

Максим Коломиец

СОВЕТСКИЙ ТЯЖЕЛЫЙ ТАНК КВ-1

ПЕРВЫЕ ТАНКИ ПОБЕДЫ

УДК 623.438.3(47+57)
ББК 68.513
К61

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *В. Петелина*

Коломиец, Максим Викторович.
К61 Советский тяжелый танк КВ-1. Первые танки Победы / Максим Коломиец. – Москва : Яуза : Эксмо, 2017. – 400 с. – (Война и мы. Танковая коллекция).

В начале Великой Отечественной войны тяжелый танк КВ-1 являлся самой мощной и самой передовой по конструкции машиной в мире. Сильное вооружение и толстая броня помогали ему выходить победителем в столкновениях с немецкими танками, для которых встреча с КВ-1 стала неприятным сюрпризом.

Трудно переоценить вклад, который внесли в победу наши тяжелые танки, принявшие на себя удар противника в самый трудный для нашей страны, первый год войны. Конструкция «кавэшки» послужила основой для проектирования и создания танков ИС, которые, переняв эстафету у КВ-1, с триумфом вошли в Берлин.

УДК 623.438.3(47+57)
ББК 68.513

ISBN 978-5-699-94099-8

© Коломиец М.В., 2017
© ООО «Стратегия КМ», 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗРАБОТКА ТАНКА.....	6
«СТАЛИНСКОЕ ЗАДАНИЕ».....	19
ТАНКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.....	46
БРОНЕКОРПУСНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЭКРАНИРОВКА	50
ОТ ЧЕЛЯБИНСКОГО ТРАКТОРНОГО – К «ТАНКОГРАДУ».....	65
БРОНЕВОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА УРАЛЕ	108
«БЛОКАДНИКИ».....	120
УСТРОЙСТВО ТАНКА КВ-1	127
ОПЫТНЫЕ ОБРАЗЦЫ И ПРОЕКТЫ	150
ОГНЕМЕТНЫЕ КВ	171
БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КВ-1	188
ГЕРОИ-ТАНКИСТЫ	376
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	385

Танк КВ-1 выпуска 1942 года (с литой башней) на позиции. 1942 год, Калининский фронт (РГАКФД).

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая читателям книга является первой попыткой что называется «под одной обложкой» более-менее подробно рассказать об истории создания, производстве, вариантах и боевом применении тяжелого танка КВ-1. В данной работе использовались как уже выходившие работы автора на данную тему (с изменениями и дополнениями), так и ранее не публиковавшиеся документы и материалы. Большое внимание уделено вопросам производства танков КВ-1 в Челябинске, на знаменитом «Танкограде». Автор попытался рассказать, в каких сложных и тяжелых условиях рабочие, техники и инженеры трудились в тылу, снабжая Красную Армию тяжелыми танками. Ведь не хватало буквально всего — металла, станков, материалов для тормозных лент. Приходилось искать различные, в том числе и нестандартные выходы из сложившегося положения. Иногда это приводило к снижению качества продукции, но других путей просто не существовало, а фронту нужны были танки.

Вообще, сейчас о работе тыла в годы Великой Отечественной войны пишут и говорят значительно меньше, чем раньше. А ведь подвиг работников трудового фронта был не меньше, чем солдат на поле боя. И ведь на заводах, в том числе и на «Танкограде», трудились наряду с мужчинами, и женщины, и подростки, да еще на голодном тыловом пайке! И ведь работали, несмотря на тяжелейшие условия, холод и плохое питание, выпускали необходимые фронту танки.

А как собирали и ремонтировали КВ на заводе № 371 имени Сталина в блокадном Ленинграде — вообще ум отказывается понимать. В свое время, в середине 1990-х годов, автору пришлось побывать на одном предприятии Санкт-Петербурга. Время было тяжелое, производство шло еле-еле, и часть цехов не отапливалась (дело было в феврале). Удовольствие было еще то! Когда собирался материал по выпуску КВ в блокадном Ленинграде, вспомнилась та давняя поездка, и подумалось — а как же обессилившие от голода люди работали тогда? Но ведь работали, и ремонтировали танки, и собирали, хотя и с большими трудностями, новые КВ.

Значительный объем книги занимает информация об организационно-штатной структуре подразделений танков КВ-1, системе подготовки кадров для них и боевом применении. Естественно, что рассказать

обо всех частях, имевших на вооружении КВ-1, в объеме книги не представляется возможным. Приведена информация по наиболее интересным, с точки зрения автора, эпизодам и операциям, в которых активно использовались танки КВ-1. Например, дается разбор действий КВ-1 на Крымском фронте в первой половине 1942 года — во многих публикациях указывается, что в ходе этих боев «кэвэшки» массово вышли из строя, но никаких подробностей на эту тему не приводится. Автор решил поподробнее рассказать об этом эпизоде.

Что касается описания конструкции и устройства танка КВ-1, то оно дается в довольно сжатом объеме. Предвидя вопросы любителей болтов и гаек (людей, занимающихся постройкой моделей танков или просто интересующихся эволюцией конструкции КВ-1 за разные периоды выпуска) хочется сказать, что подробной информации о том, с какого времени вводились те или иные изменения в конструкцию танка, пока найти не удалось. Есть подобная информация по КВ довоенного выпуска, и частично по началу войны применительно к машинам, выпускавшимся в Ленинграде. А вот по КВ-1 производства Челябинского Кировского завода таких материалов меньше. Поэтому дается информация только по изменениям некоторых узлов и агрегатов. А «разбор» КВ-1 на отдельные составляющие с указанием всех вариантов использовавшихся катков, траков, вариантов башен, корпусов, люков и т.п. — тема отдельного исследования.

Данная книга не могла бы появиться на свет без помощи моих друзей и коллег, помогавших на различных этапах работы.

В первую очередь, огромное спасибо моему другу Александру Смирнову из Санкт-Петербурга за помощь документами и ценные советы и замечания.

Также хочется поблагодарить Илью Мазурова (г. Красноярск), не только предоставившего материалы по истории КВ-1, но и высказавшего в ходе обсуждений ряд интересных идей и соображений.

Отдельная благодарность Дмитрию Суркову за переводы с немецкого языка, а также Виталию Тарасову за работу с персоналиями и Алексею Волкову за историю с лейтенантом Пашиным.

Если у кого-то есть дополнения по какому-то фрагментам книги, пишите по адресу: 1945maks@mail.ru

РАЗРАБОТКА ТАНКА

Гражданская война в Испании показала, что у танков появился опасный враг — малокалиберная скорострельная противотанковая артиллерия. В результате, танки Т-26 и БТ-5, поставленные из СССР республиканскому правительству, несли значительные потери.

Руководство Красной Армии отреагировало на сообщения из Испании достаточно оперативно, приняв решение о начале разработки танков (прежде всего тяжелых) с противоснарядной броней. В июле 1937 года автобронетанковое управление РККА выдает заводу № 183 в Харькове тактико-технические требования на разработку нового варианта тяжелого пятибашенного танка Т-35 массой до 60 т с броней в 40–75 мм.

Но первые же расчеты и эскизные проработки такой машины, проведенные в конструкторском бюро завода № 183, показали, что создать многобашенный танк с заданными толщиной брони и массой невозможно. По прикидкам инженеров вырисовывалась тяжелая машина в 80–90 тонн, к тому же обладавшая весьма низкой подвижностью. Кроме того, конструкторское бюро завода № 183, и без того немногочисленное, было перегружено работами по обеспечению серийного производства БТ-7 и Т-35, проектированию нового колесно-гусеничного танка и дизельного двигателя.

В результате, по решению АБТУ КА, согласованному с Комитетом обороны при СНК СССР*, разработку тяжелого танка противоснарядного бронирования поручили двум конструкторским бюро — СКБ-2 Кировского завода и КБ завода № 185 имени Кирова. Выбор был сделан не случайно — Ленинградский Кировский завод вел серийное производство средних трехбашенных танков Т-28,

а конструкторы завода № 185 имели богатый опыт по проектированию новых образцов боевых машин, с начала 1930-х годов занимаясь проектированием, изготовлением и испытанием различных опытных образцов танкового вооружения. Например, конструкторы завода № 185 создали такие образцы боевых машин, как танки Т-28, Т-35, Т-29, Т-46, Т-43, самоходки СУ-5, СУ-6, СУ-14 и многое другое.

Оба предприятия получили задачу на проектирование трехбашенного танка с противоснарядным бронированием массой до 60 тонн. Однако так как до конца не было понято, какая же машина нужна Красной Армии, то конструкторы обеих заводов могли вести лишь эскизные проработки, ориентируясь на заданные параметры и свою фантазию.

7 августа 1938 года в Москве прошло заседание Комитета обороны при СНК СССР, на котором присутствовали представители Генерального штаба, АБТУ КА, наркоматов среднего и тяжелого машиностроения, «танковых» конструкторских бюро и заводов. На нем решался один вопрос, какие танки нужны Красной Армии в ближайшем будущем? В результате обсуждения в тот же день принимается постановление Комитета обороны № 198 сс, озаглавленное «О системе танкового вооружения РККА». Относительно тяжелых танков в этом документе говорилось следующее:

«1. Танк прорыва (истребитель ПТО) гусеничного типа изготавливается по тактико-техническим данным АБТУ, выработанным на основе Танкового Совещания и утвержденным Народным Комиссаром Обороны (приложение № 1).

а) Обязать НКМаш изготовить и передать НКО на испытания опытный образец танка прорыва к 1 мая 1939 года.

Деревянный макет танка прорыва предъявить макетной комиссии к 1 сентября 1938 года.

б) Обязать НКОП изготовить и передать НКО на испытания опытный образец танка прорыва к 1 июля 1939 года.

Деревянный макет танка прорыва предъявить макетной комиссии к 1 ноября 1938 года.

в) Обязать НКО подвергнуть опытные образцы танков прорыва всесторонним испытаниям и выбрать для представления на вооружение РККА один образец, наиболее полно удовлетворяющий предъявляемым к танку прорыва требованиям.

** Комитет обороны при Совете народных комиссаров (СНК) СССР создан 23 апреля 1937 года для объединения «всех мероприятий и вопросов обороны СССР» в составе семи человек: В. Молотов (председатель), И. Сталин, Л. Каганович, К. Ворошилов, В. Чубарь, М. Рухимович и В. Межлаук. Выполнял функции координатора деятельности руководства вооруженных сил и промышленности (народных комиссариатов) по вопросам мобилизационных планов, изготовления военной техники и подготовки страны к обороне. На его заседаниях, в том числе, решались и вопросы о разработке новых типов танков и принятии их на вооружение.*

г) С постановкой на массовое производство танков прорыва, танки Т-28 и Т-35 с производства снять».

В приложении к документу были сформулированы тактико-технические требования для проектирования тяжелого танка: он должен был быть трехбашенным, иметь массу 55–57 тонн, броню 20–60 мм, а в качестве вооружения предусматривалась 76-мм пушка Л-10, две 45-мм и три пулемета.

Получив более конкретные данные, конструкторы заводов № 185 и Кировского приступили к работам по тяжелому танку. А так как на вооружение планировалось принять только один образец, то проектирование носило конкурсный характер.

С самого начала проектирования, предприятия оказались в неравном положении. Дело в том, что КБ завода № 185 являлось специальным танковым конструкторским бюро, которое занималось только проектированием опытных образцов боевых машин. В составе этой организации работали наиболее опытные конструкторы-танкостроители СССР, за плечами которых был не один десяток созданных ими танков и самоходок,

в том числе и трехбашенный Т-28, и тяжелый пятибашенный Т-35.

А вот специальное конструкторское бюро-2 (СКБ-2) Кировского завода, до этого момента не занималось разработкой танков — его основной задачей являлось обеспечение серийного производства трехбашенных Т-28. Кроме того, СКБ-2 было малочисленным, и людей едва хватало на решение вопросов серийного производства. Ситуация усложнялась тем, что в 1937 году был арестован ряд инженеров Кировского завода и СКБ-2, занимавшихся обеспечением танкового производства. В их числе оказался и начальник СКБ-2 О. Иванов, занимавший этот пост с 1933 года. 23 мая 1937 года на место Иванова назначили 29-летнего военного инженера, выпускника академии механизации и моторизации Жозефа Яковлевича Котина.

В ряде публикаций говорится о том, что Котин получил эту должность, так как был женат на приемной дочери (другой вариант — воспитаннице) наркома обороны СССР К. Ворошилова, что не соответствует действительности. Дело в том, что жена Котина,

Тяжелый танк Т-35 проходит по Крещатику во время военного парада. Киев, 7 ноября 1938 года. Эти машины были единственными в мире серийными пятибашенными танками, но к середине 1937 года стало ясно, что их броневая защита не отвечает современным требованиям. Работы по созданию новой тяжелой многобашенной машины в конечном итоге привели к появлению КВ-1 (АСКМ).

Наталья Поклонова, к семье Ворошилова отношения не имела.

Ее отец, известный большевик из Луганска Петр Поклонов действительно был знаком с К. Ворошиловым еще с Гражданской войны. Однако после ее окончания никаких особых контактов между Поклоновым и Ворошиловым не было. Дочь Поклонова Наталья четыре раза подавала документы в военнотехническую академию, но все время получала отказ. Тогда она попросила своего отца, обратиться за помощью к наркому обороны К. Ворошилову. Поклонов сначала не соглашался, но под напором дочери, написал письмо наркому. В результате, Наталью приняли в академию, и после окончания инженерного факультета она была единственной в Красной Армии женщиной-танкистом с академическим образованием.

Сам Котин, закончив в 1932 году Военнотехническую академию имени Дзержинского, служил во вновь созданной Военной академии механизации и моторизации (ВАММ) РККА, сначала инженером, затем начальником проектно-конструкторского сектора и начальником отделения. Под его руководством велась разработка усовершенствованных узлов и агрегатов танков, а также испы-

тания различных опытных образцов, спроектированных академией (например, сброс на воду с самолетов плавающих танков).

Что касается назначения Котина начальником СКБ-2 Ленинградского Кировского завода, то не удалось обнаружить данных о том, что к этому назначению причастен К. Ворошилов. В то время выдвижение молодых и энергичных людей на высокие должности не было чем-то из ряда вон выходящим. Страна испытывала кадровый голод, так почему же не поставить начальником танкового КБ 30-летнего военного инженера, имевшего организаторские способности и успешно руководившего проектно-конструкторским отделением ВАММ?

А то, что Котин был талантливым организатором, нет никаких сомнений (об этом в свое время автору книги много рассказывали инженеры и конструкторы Кировского завода, работавшие с Котиным и в довоенное, и в военное, и в послевоенное время). Отмечали это и представители других заводов. Например, Л. Карцев, главный конструктор по танкостроению на Уралвагонзаводе, так вспоминал о Котине:

«Это был талантливый организатор и незаурядный политик. Даже названия созда-

**Тяжелый двух
башенный танк
СМК перед началом
полигонных
испытаний.
1939 год. Именно
на этой машине
был отработан ряд
узлов и агрегатов,
которые
впоследствии
использовались
на КВ (АСКМ).**

ваемых КБ тяжелых танков имели политический оттенок: СМК («Сергей Миронович Киров»), КВ («Клим Ворошилов»), ИС («Иосиф Сталин»). Это психологически действовало, прежде всего, на заказчиков, да и на других чиновников...

Морозова я никогда не видел в военной форме, а Котина — в гражданской. Морозов на моей памяти ни разу не был на полигонных и войсковых испытаниях опытных образцов, Котин — всегда. Он много заботился о быте конструкторов, но и много от них требовал. В рутинную конструкторскую чертежную работу он не вмешивался. Это делали его заместители.

Кстати, придя на Кировский завод в 1937 году, Котин в первую очередь «пробил» новое помещение для СКБ-2, которое до этого помещалось в тесном деревянном домике. Теперь конструкторы комфортно разместились в новом трехэтажном здании заводоуправления. Удалось Котину решить и проблему с кадрами — он вышел на руководство Военной академии механизации и моторизации, и попросил направить на Кировский завод группу будущих выпускников для выполнения дипломного проекта. В результате, СКБ-2 не только получило дополнительные кадры, но будущие военные инженеры смогли «приобщиться» к конструкторской работе. Некоторые из них впоследствии остались работать на Кировском заводе.

Разрабатываемым, согласно постановлению от 7 августа 1938 года, новым тяжелым танкам дали свои обозначения. Так, Кировский завод проектировал машину СМК-1 («Сергей Миронович Киров»), а завод № 185 — «изделие 100» (или Т-100).

10–11 октября 1938 года специальная комиссия под председательством помощника начальника АБТУ РККА военного инженера 1-го ранга Б. Коробкова рассмотрела чертежи и деревянные макеты обеих танков. 9 декабря 1938 года проекты СМК и Т-100 рассматривались в Москве, на заседании Главного военного совета при наркомате обороны СССР.*

В ходе обсуждения представители заводов заявили о том, что при трехбашенной схеме

и броне в 60-мм невозможно уложиться в заданную массу в 60 т. В результате обсуждения пришли к решению об уменьшении количества башен до двух и увеличении за счет этого, толщины брони.

Вот на этом заседании впервые и упоминается проект однобашенного тяжелого танка, впоследствии ставшего известным как КВ. Каноническая версия этого, которая приводится во многих изданиях, выглядит так (здесь приведена по книге «Конструктор боевых машин», Лениздат, 1988):

«Сталин подошел к деревянному макету танка СМК и спросил:

— Товарищ Котин, так зачем на танке три башни?

— Мощное вооружение: одна пушка 76-мм и две по 45-мм, — ответил Жозеф Яковлевич.

— Нечего делать из танка «Мюр и Мерилиз»! — сказал Сталин.

Сталин подошел к макету, снял с него заднюю башню с 45 мм пушкой и спросил Котина:

— Сколько я снял?

— Три тонны, — ответил Котин.

— Обратите их на усиление броневой защиты, — сказал Сталин. — Нужно ориентироваться на утолщение брони и усиление защиты экипажа. Незачем иметь на танке большое количество башен. А еще лучше, чтобы осталась одна башня!»

Далее приводится информация о том, что в СКБ-2 уже существовали проработки однобашенного тяжелого танка, проект которого разрабатывали слушатели ВАММ, направленные в СКБ-2 для написания дипломного проекта (Б.П. Павлов, В.К. Синезерский, Г.А. Турчанинов, Л.П. Переверзев, С.М. Касавин и Шпунтов). К сожалению, стенограммы заседания Главного военного совета от 9 декабря 1938 года пока обнаружить не удалось. Поэтому неизвестно, кто же на самом деле предложил проект однобашенной тяжелой машины. Возможно, это действительно была инициатива СКБ-2. Хотя с не меньшей долей вероятности можно предположить, что предложение исходило и от военных, в частности от начальника АБТУ КА Д. Павлова. По мнению автора, в пользу версии об инициативе завода говорить тот факт, что однобашенной машиной занялся только ЛКЗ — завод № 185 продолжал работы по Т-100. Видимо, у работников СКБ-2 какие-то проработки имелись, скорее всего, на уровне эскизов. И еще один любопытный факт — после принятия КВ на вооружение, руководство завода № 185 в спешном порядке занялось проектированием однобашенного тяжелого танка «изделие 050»

* Главный военный совет был создан при наркомате обороны СССР постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938 года в составе: К. Ворошилова (председатель), И. Сталина, И. Федько, Л. Мехлиса, Е. Щаденко, Б. Шапошникова, В. Блюхера, С. Буденного и Г. Кулика. На его заседаниях рассматривались основные вопросы укрепления обороноспособности СССР и строительства армии.

**«Конкурент»
СМК – тяжелый
двухбашенный
танк Т-100,
спроектированный
конструкторами
завода № 185 имени
Кирова. 1939 год.
Обратите внимание
на башенку
с пулеметом ДТ,
приспособленную
для стрельбы
по воздушным
целям,
смонтированную
на крыше большой
башни танка.
В отличие от СМК,
имевшего 76-мм
орудие Л-11,
Т-100 вооружен
менее мощной
76-мм пушкой Л-10
(АСКМ).**

(фактически это была половинка Т-100), пытаясь «пропихнуть» эту машину на вооружение взамен КВ.

Но как бы там, ни было, кто бы, ни был инициатором создания однобашенного тяжелого танка, результат обсуждения проектов был следующим. Общим заводам – Кировскому и № 185 – поручалось изготовить по два опытных образца тяжелых танков своей конструкции. Для снижения массы с машин снималась одна малая башня, в результате чего СМК и Т-100 становились двухбашенными. При этом Кировский завод вместо второго двухбашенного образца изготавливал однобашенный – тактико-технические характеристики для создания этой машины были подписаны начальником ГАБТУ КА 31 января 1939 года, а 20 февраля их утвердил нарком обороны К. Ворошилов. Любопытно, что в этом документе однобашенный танк именовался «малым танком тяжелого бронирования». Согласно этому документу, машина должна была иметь следующие данные

- «1. Тип танка – гусеничный однобашенный.
2. Вес танка – не выше 40 тн.

3. Габариты: ширина не более 3,3 м, высота не более 2,5 м.
4. Клиренс – не менее 0,5 м.
5. Максимальная скорость движения – 30–35 км/ч.
6. Вооружение – 76-мм пушка типа Л-10 и пулемет Силина или 45 мм пушка, спаренная с пулеметом Силина...
7. Боевой комплект: не менее 150 снарядов калибра 76 мм, 400 снарядов калибра 45 мм. Пулеметных патронов не менее 4000 шт. Патронов pistolетных не менее 1000 шт. Ручных гранат не менее 50 шт.
8. Танк должен безаварийно преодолевать следующие препятствия:
 1. Спуски, подъемы – не менее 40°.
 2. Бортовой крен – не менее 30°.
 3. Окопы и рвы шириной не менее 2,5 м.
 4. Вертикальные стенки – 0,8 м.
 5. Брод без специальных приспособлений – не менее 1,5 м.
 6. Преодоление водных преград глубиной до 3-х м.
9. Запас горючего – не менее чем на 10 час. движения.

10. Экипаж — 4 чел. Командир машины — в башне слева по ходу, заряжающий — справа по ходу. Механик-водитель и радист — в корпусе вне башни.

11. Средства связи — УКВ радиостанция 71-ТК с телекодом типа Ш-2а. Внутренняя связь — ТПУ на 3 абонента.

12. Броневая защита: — должна обеспечивать от поражений экипаж и внутренние агрегаты танка на всех дистанциях от броневой защиты калибра до 76 мм включительно.

Толщина брони: лобовая — 75 мм, бортовая — 75 мм, башенная — 75 мм, крыша — 30, дно — 40–30 мм.

Бортовая броня вертикальная, башни, переднего лобового листа, носовой и кормовой части корпуса — наклонная с углом не менее 20°.

13. Двигатель — дизель типа В-2. Параллельно предусмотреть возможность установить двигатель М-17 без переделок в танке. Из этих условий вести расчет трансмиссии и ходовой части танка.

14. Средства наблюдения: в башне — прицелы ПТ-1, ТОП и 2 смотровых прибора, рас-

положенных снаружи башни. Для командира танка должен быть обеспечен круговой обзор.

Допускается установка смотровых приборов зеркального типа...

Ведущие колеса задние. КПП — расположена сзади. Коробку передач желательно иметь планетарную.

Гусеница штампованная, с высоким гребнем. Срок службы не менее 3000 км».

Ведущим конструктором нового однобашенного тяжелого танка назначили инженера Н.Л. Духова. Работы по этой машине, которая вскоре получила обозначение КВ («Клим Ворошилов») шли довольно быстро — уже 7 апреля 1939 года технический проект и деревянный макет танка в натуральную величину одобрила комиссия под председательством помощника начальника АБТУ РККА военного инженера 1-го ранга Б. Коробкова. Столь быстрая работа может объясниться использованием уже отработанных элементов для СМК, которые «перекочевали» на КВ (например, ходовая часть, общая схема корпуса и башни).

В мае рабочие чертежи узлов и деталей нового танка поступили в производство, од-

Опытный образец танка КВ (машина № У-0) перед отправкой в Москву, общий вид. Сентябрь 1939 года. Хорошо видна установка двух орудий (45 и 76-мм) в башне — «наследство», доставшееся от СМК. Сначала требовалось, чтобы однобашенный тяжелый танк сохранил такое же артиллерийское вооружение, как и двухбашенный (АСКМ).

Опытный образец танка КВ (машина № У-0), вид сзади. Сентябрь 1939 года. Обратите внимание на форму выхлопных патрубков на крыше корпуса – впоследствии их конструкцию изменили. Хорошо видно высокое качество изготовления корпуса танка: кромки бронелистов обработаны строжкой, сварные швы зачищены (АСКМ).

новременно на Ижорском заводе началось испытание броневых листов и изготовление корпуса и башни для КВ.

Сборку опытного образца однобашенного тяжелого танка закончили в ночь с 31 августа на 1 сентября, и утром он совершил первый пробег по заводскому двору. КВ заимствовал от своего «прародителя» СМК (его изготовили к 1 мая) общую схему бронекорпуса, подвеску, конструкцию оптических приборов, элементы трансмиссии и т.д. Машина имела некоторые отклонения от утвержденных военными тактико-технических требований – например, вместо планетарной коробки перемены передач, рекомендованной автобронетанковым управлением, завод установил обычную. А вот вооружение, напротив, усилили – в башне КВ смонтировали и 45-мм и 76-мм орудия. Видимо к окончанию работ по изготовлению КВ вопрос о том, чем же вооружать новый тяжелый танк, так и не был решен.

Видимо еще до испытаний военные оценили преимущества нового тяжелого однобашенного танка перед двухбашенными СМК и Т-100, так как 20 сентября 1939 года, руко-

водство АБТУ КА направило в наркомат обороны следующую записку:

«КВ – заводские и полигонные испытания не проходил, проходил обкатку. На основании того, что основная часть агрегатов КВ проверена на СМК (ходовая часть, трансмиссия) считать необходимым изготовить в 1939 году партию в 20 штук, перейдя в 1940 году на серийное производство».

23–25 сентября 1939 года на полигоне в подмосковной Кубинке представителям правительства СССР и руководства Красной Армии продемонстрировали новые образцы бронетанковой техники. В ходе этого показа танк КВ произвел на высокое начальство благоприятное впечатление, продемонстрировав более высокие динамические качества по сравнению с двухбашенными СМК и Т-100.

8 октября 1939 года машина вернулась в Ленинград и 10 ноября, после устранения выявленных недостатков, начались полигонно-заводские испытания танка КВ. В составе проводившей их комиссии были майор Н.Н. Ковалева, военный инженер 3-го ранга П.К. Ворошилов, военный инженер

3-го ранга М.С. Каулин, капитан И.И. Колотушкин и представители Кировского завода. За двадцать дней танк КВ прошел 485 км, из них — 260 км по шоссе, 100 км по проселочным дорогам и 125 км по пересеченной местности. При этом в конструкции машины было выявлено около 20 различных дефектов, которые требовалось устранить.

30 ноября 1939 года началась советско-финляндская война. По решению военного совета Ленинградского военного округа опытные танки КВ, СМК и Т-100 были сняты с испытаний для проверки их в боевой обстановке. Экипаж КВ составили военнослужащие 20-й тяжелой танковой бригады лейтенант Г. Качихин (командир танка), воентехник 2-го ранга П. Головачев (механик-водитель), красноармейцы Кузнецов (наводчик орудия) и А. Смирнов (радист), а также специалисты-испытатели Кировского завода А. Эстратов (моторист, он же заряжающий) и К. Ковш (запасной механик-водитель, во время боев находился вне танка). К этому времени 45-мм орудие в башне демонтировали, заменив его пулеметом ДТ.

КВ вместе с СМК и Т-100 составили роту тяжелых танков, включенную в состав 91-го танкового батальона 20-й тяжелой танковой бригады. Командиром роты назначили капитана И. Колотушкина. Первый раз рота вступила в бой 18 декабря 1939 года, поддерживая наступление советской пехоты в районе Хоттиненского укрепрайона финнов. Вот что о первом бое первого КВ вспоминал А.И. Эстратов:

«Нас вызвал директор завода товарищ И.М. Зальцман (Ковша, Эстратова, Игнатьева, Куницына, Тетерева, Васильева). Присутствовали Ж.Я. Котин, Н.Л. Духов, А.С. Ермолаев. Нам предложили на танках КВ и СМК произвести испытания в боевых условиях. Мы дали согласие, причем в армию мы не были призваны. Началась подготовка машин для выполнения боевого задания. Нужно было все предусмотреть на все случаи, взять с собой необходимые детали, которые по нашим соображениям могли понадобиться. Часто на КВ отказывал стартер. Я поставил в моторное отделение баллон сжатого воздуха на 150 атмосфер, пристроил приспособление открывать и закрывать бал-

Опытный образец танка КВ (машина № У-0), вид справа. Сентябрь 1939 года. Хорошо видны гужоны, с помощью которых задняя гнутая часть башни соединялась с бортами. Обратите внимание, что первоначально борт корпуса в кормовой части был ниже, но впоследствии его увеличили, приварив дополнительный кусок бронелиста (АСКМ).

Опытный образец танка КВ (машина № У-0), вид спереди. Сентябрь 1939 года. Установка курсового пулемета в лобовом листе корпуса, в отличие от СМК, отсутствует. На верхнем переднем листе видно крепление звукового сигнала и основания для крепления антенны радиостанции (АСКМ).

лон из боевого отделения. Получили военное обмундирование. Поздней ночью собрались в столовой прокатного цеха. Присутствовали И. М. Зальцман, Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов, А. С. Ермолаев, П. К. Ворошилов, А. И. Ланцберг, А. Ф. Шпитанов. На каждую машину был назначен военный командир. После ужина, напутственных наставлений, добрых пожеланий погрузились на железнодорожные платформы и двинулись в боевой путь. Прибыв на передовую, нас присоединили к 20-й танковой бригаде. С нами был П. К. Ворошилов.

Наши передовые части подошли к укрепрайону Бабошино. Вечером приехал к нам начальник бронетанкового управления товарищ Павлов.

«Сейчас, — говорит, — товарищи, я вас ознакомлю с дотами укрепрайона Бабошино. Т-28 не смогут пройти — горят, надеемся на вас. Завтра утром пустим вас в бой, нужно срочно испытать машины».

Прибыв на исходную, позицию нам объяснили поставленную перед нами задачу. После артподготовки мы идем с 20-й танковой бригадой в наступление.

Пройдя небольшой участок леса, перед нами открылась обширная поляна, идет бой, слева и справа от нас горят танки. Впереди идущий танк Т-28 загорелся, он нам мешает двигаться вперед. Свернуть с дороги — боимся наехать на мины. Впереди противотанковый ров, надолбы, проволочное заграждение. Мы попытались подойти вплотную к горящему танку и столкнуть его с дороги. Экипаж танка Т-28 покинул танк через десантный люк и не выключил передачу КПП, сдвинуть с места машину нам не удалось. По радиции был получен приказ свернуть с дороги влево и двигаться вдоль противотанкового рва. Противник бьет снарядами по правому борту нашей машины, удар за ударом как будто бьют сильной кувалдой по борту. Мы двигаемся. Правда мороз или дрожь по ноге ходит. Еще удар за ударом — мы двигаемся. Наш командир Качихин заговорил, нервничает. По нам бьют, противника нигде не видно. Вспомнили наставление Д. Павлова. Командир танка Качихин подает команду смотреть во все наблюдательные приборы и искать замаскированные ДОТы. Неожиданно кричит Ковш:

«Впереди бугорок. Смотрите из него высу- нулась труба и спряталась».

Голос Качихина: «Это, наверное, ДОТ. Прицел на трубу — огонь!» Заметил я бугор. На бугру составлены жерди. Из них появляется дымок. Последовала команда командира — огонь на жерди. Я заряжаю пушку, я моторист и заряжающий; заметили еще в нескольких местах вражеские ог- невые точки. Сильный удар снаряда по пе- редней части танка, танк осыпало искрами; еще удар. Задрожала наша пушка, остано- вили танк. Что случилось неизвестно. За- вели мотор, попробовали двигаться — все в порядке.

Я говорю Качихину: «Перекусить бы, не за- втракали, обед давно прошел. Я уверен — наш танк не пробиваем». От перекусона отка- зались. По радиции получили приказ: «Слева от вас подбитый танк Т-28. Осмотрите его и если возможно отбуксируйте в тыл». По- дошли к Т-28 вплотную, несмотря на силь- ный обстрел противников. Я вылез из ма- шины (находясь между танками можно было осмотреть Т-28 и прицепить на буксир). От- буксировали танк в тыл.

Рано утром прибыл к нам П.К. Вороши- лов и с ним пять командиров в «романов- ских» шубах. Среди них был Павлов. Осмо- трев машину КВ обнаружили: прострелен ствол пушки, прострелены некоторые кат- ки ходовой части, побиты некоторые траки, но не полностью, перебит буксирный трос, несколько попаданий в правый борт — танк остался цел и невредим. Теперь нам было ясно, почему дрожала наша пушка, почему нас осыпало пламенем искр.

Военная комиссия осталась довольна. Нам пожимали руки, поздравляли с выполне- нием задания. Павлов дал распоряжение П.К. Ворошилову срочно выезжать на завод и как можно быстрее давать фронту танк КВ.

С завода привезли ствол 76-мм пушки. Подъемного крана не было — подобрали прочную сосну с хорошим прочным суч- ком, талью подняли ствол, подогнали танк, и вручную под руководством артиллериста И.А. Бойнова пушка была смонтирована».

После боя на броне КВ обнаружили сле- ды девяти попаданий бронебойных снаря- дов калибра 37-мм: в лобовой лист корпу- са — 1, в правый борт — 3, в ствол пушки — 1

Опытный образец танка КВ № У-0 в 1940 году, после ремонта, был отправлен в состав 8-й танковой дивизии 4-го механизированного корпуса Киевского Особого военного округа. Машина находилась здесь до начала войны, и была оставлена экипажем в районе Львова из-за поломки или отсутствия горючего. К этому времени танк получил стандартную серийную фару и ящики ЗИП на надгусеничных полках (АСКМ).

**Генерал-майор
инженерно-
танковой службы
Ж.Я. Котин (фото
1943 года).
19 сентября
1941 года
«за выдающиеся
заслуги в создании
и освоении
производства
тяжелых танков
в трудных условиях
военного времени»
ему было присвоено
звание Герой
Социалистического
Труда (АСКМ).**

(в стволе осталась большая вмятина), в ступицу четвертого опорного катка правого борта — 1, в траки правой гусеницы — 3. Однако ни один снаряд брони не пробил.

О результатах боевого использования нового танка сразу же доложили в Москву, а вечером 19 декабря 1939 года в Кремле было подписано постановление Комитета обороны при СНК СССР № 443сс о приеме на вооружение новых типов танков. По машине КВ в этом документе говорилось следующее:

«На основании просмотра и результатов испытания новых образцов танков, броневых автомобилей и тракторов, изготовленных в соответствии с постановлениями Комитета Обороны за № 198сс от 7 июля 1938 года и № 118сс от 15 мая 1939 года, Комитет Обороны при СНК Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Принять на вооружение РККА:

1). Танк «КВ» — тяжелого бронирования, изготовленный Кировским заводом Наркомтяжмаша по тактико-техническим требованиям НКО, с устранением всех дефектов, обнаруженных при испытании. Танк должен быть вооружен:

а) пушкой Ф-32 76 мм, спаренной с пулеметом калибра 7,62 в маске башни;

б) отдельным пулеметом калибра 7,62 мм у радиста и в) одним пулеметом калибра 7,62 мм в нише башни.

Обеспечить полную обзорность из танка...

2. Для обеспечения выпуска танков, тракторов и броневых автомобилей на 1940 год и развития необходимых мощностей:

1) Обязать Наркомтяжмаш (тов. Малышева В.А.):

а) организовать на Кировском заводе производство танков «КВ»;

б) выпустить в 1940 году 50 штук танков «КВ», приступив к серийному выпуску с 1 января 1940 года;

в) отработать спаренную установку для танков «КВ», состоящую из 76 и 45 мм пушек;

г) разрешить Кировскому заводу впредь до серийного выпуска пушек Ф-32 устанавливать на танк «КВ» пушку 76 мм Л-11...

3) Обязать Наркомсудпром (тов. Тевосяна):

По Ижорскому заводу:

Обеспечить изготовление на Ижорском заводе бронекорпусов и башен для Кировского завода: в 1940 году бронекорпуса и башни на выпуск 50 танков КВ...

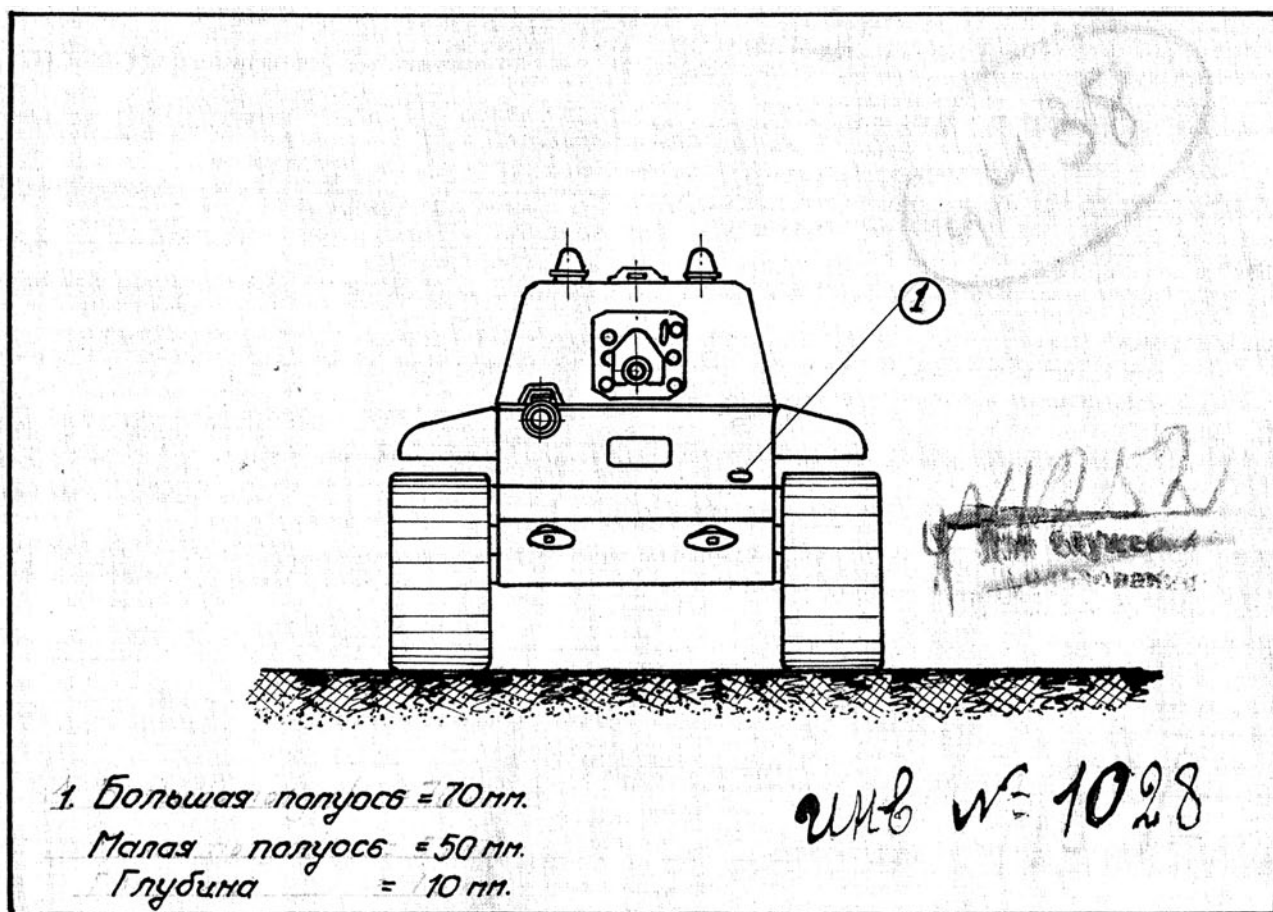
Председатель Комитета Обороны при СНК Союза ССР В. МОЛОТОВ

Секретарь Комитета Обороны при СНК Союза ССР И. САФОНОВ».

Опытный образец танка КВ находился на Карельском перешейке до конца 1939 года, но в боях больше не участвовал. 2 января 1940 года машину вернули на Кировский завод для того, чтобы по ней делать установочную партию из двадцати танков.

Однако война внесла свои коррективы: армии срочно потребовался танк с противоснарядным бронированием и мощным вооружением для борьбы с инженерными сооружениями противника на Карельском перешейке. Поэтому по требованию Военного совета Северо-Западного фронта первые четыре КВ установочной партии должны были вооружаться 152-мм гаубицами.

Для выполнения этой срочной работы на Кировском заводе в спешном порядке создали конструкторскую группу из 20 человек под руководством инженера Н. Курина, которая за две недели спроектировала для КВ новую башню со 152-мм гаубицей М-10 образца 1938 года. Башня имела довольно зна-

чительные габаритные размеры, но устанавливалась на том же погоне, что и башня с 76-мм пушкой.

Танк КВ, вооруженный 152-мм гаубицей, в документах того времени именовался как «КВ с большой башней», а машина с 76-мм пушкой — «КВ с малой башней». Вскоре появилось и другое обозначение — танки со 152-мм гаубицами называли КВ-2, а с 76-мм пушкой — КВ-1. При этом параллельно могли встретиться обозначения «с большой» или «с малой башней».

10 февраля 1940 года на Кировском заводе провели первое испытание башни с гаубицей, установленной на шасси опытного танка КВ № У-0 (У — установочная партия, 0 — нулевой образец, то есть опытная машина) вместо башни с 76-мм орудием. 17 февраля опытный танк и первый танк установочной партии У-1 (тоже со 152-мм гаубицей) отправили в Действующую армию на Карельский перешеек. 22 февраля на фронт ушел танк У-2 с башней опытного танка У-0 (с 76-мм орудием Л-11), а 29 февраля — машина У-3 с гаубицей. КВ № У-4 (также с гаубицей) собрали 13 марта,

но к этому времени война уже кончилась. После завершения боев танк КВ № У-0 получил «свою» башню с 76-мм орудием, а на У-2 установили башню со 152-мм гаубицей, до этого смонтированной на У-0.

Действовавшие на фронте КВ свели в отдельную роту тяжелых танков под командованием капитана И. Колотушкина (кроме КВ в ее составе имелся опытный тяжелый танк Т-100, СМК подорвался на фугасе 19 декабря 1939 года, и оставался на поле боя до конца советско-финляндской войны). Рота действовала в составе 20-й тяжелой танковой и 13-й легкотанковой бригады на Карельском перешейке. После окончания советско-финляндской войны было составлено как минимум два отчета о боевых действиях танков КВ, СМК и Т-100. В одном из этих документов, направленном в АБТУ КА 4 апреля 1940 года, по поводу КВ говорилось следующее:

«Тактико-технические свойства танков, выявившиеся в результате их боевой работы.

1. Высокая сопротивляемость брони действию бронебойных снарядов калибра 37–45 мм, выпущенных с дистанции 150–250 м...

Схема с изображением танка КВ-1, на которой отмечены места и характеристики попаданий в танк снарядов во время действий машины на Карельском перешейке в декабре 1939 года (АСКМ).

2. Хорошая проходимость и маневренность на поле боя.

Танки легко преодолевали поле боя, изрытое воронками глубиной 1–1,5 метра и шириной 2–3 метра. Прodelывали проходы в лесу при диаметре деревьев 50 см. Преодолевали канавы, наполненные водой, глубиной в 1 метр и шириной 3 метра, рвы шириной 4,5–5 метров, снежный покров 0,8–0,9 метров, подъемы до 35 градусов, и двигались при крене 30–35 градусов.

...4. Способность проходить через отдельные противотанковые мины.

При наезде на мины в танке ощущалось только сотрясение от их взрыва, но разрушительного действия ходовой части и прекращения движения танка не происходило (от взрывов мин выбивало 1–2 катка, рвало часть трака, что не вызывало остановки танка) ...

5. Хорошие тяговые качества, обеспечивающие эвакуацию танков других марок с поля боя...

Танки KB прошли 200–300 км. Моторы работали безотказно. Механизмы и агрегаты работали хорошо. Торсионная подвеска позволяет двигаться при частичном ее повреждении, как то – потери 2–3-х катков. Так, 10 марта 1940 г. взрывом фугаса было выби-

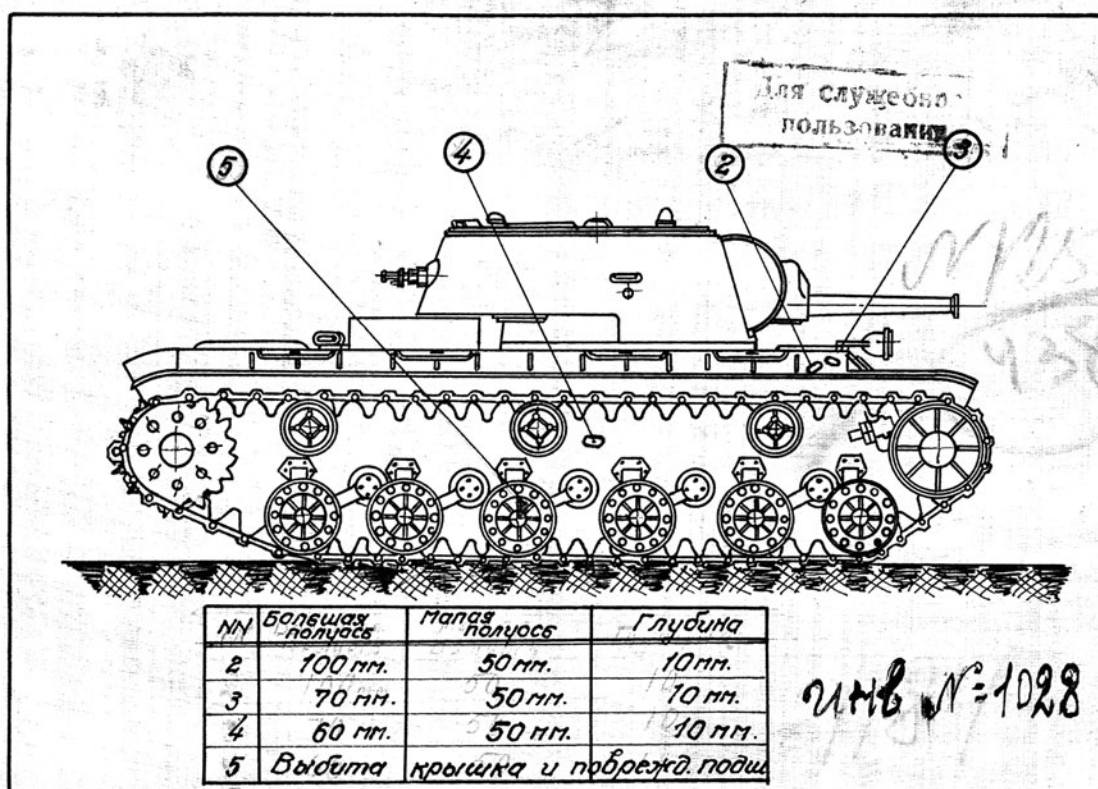
то по 2 передних катка с каждой стороны, и все же танк самостоятельно вышел из боя и возвратился в расположение своих войск, пройдя при этом 8 км, и был способен двигаться дальше.

Недостатки:

Срываются болты и шпонки привода топливного насоса. Не выдерживают нагрузки проушины тяжных лент тормозов. При нагреве масла свыше 50 градусов его выбивает через воздушные трубки. Не отработан конструктивно спуск масла из двигателя и масляного бака. Мал угол обзора водителя. Рычаг для управления не удобен. Отверстие для пулемета очень велико, и по ним ведут огонь снайпера, поэтому в бою пулеметы не использовали, а отверстия закрывали заглушками. Радиост не имеет вооружения...».

В другом документе приводились данные о пройденном километраже, при этом машина с 76-мм пушкой (№ У-2) имела самый большой пробег – 336 километров (176 часов работы двигателя). Также там указывались те места танков, в которые попали бронебойные снаряды, и отмечалось, что «все попадания снарядов в броню сделали углубления от 10 до 40 мм, удары снарядов не отразились на нормальной работе экипажа».

**Схема
с изображением
мест попаданий
в танк KB-1
снарядов во время
действий машины
на Карельском
перешейке
в декабре
1939 года, копия
заводских калек.
В борт машины
попало четыре
снаряда (АСКМ).**

«СТАЛИНСКОЕ ЗАДАНИЕ»

Первые четыре серийных машины КВ (У-1 — У-4), изготовленные в феврале — марте 1940 года, собирались по чертежам опытного танка У-0. При этом три машины, убывшие в Действующую армию, проверялись пробегом на 30—50 км с гарантией эксплуатации на 200 км. В ходе боевых действий выявилось большое количество недостатков новых тяжелых танков: частая разрегулировка главного сцепления, разрушение подшипников в бортовых фрикционах, течи масла сальников бортовых редукторов, сколы зубьев шестерен в коробке перемены передач.

Поэтому уже с пятой машины завод начал пересматривать конструкцию всех узлов и механизмов. Военпред на Кировском заводе А. Шпитанов в своей оперативной сводке за март 1940 года сообщал:

«За март месяц в монтаж поступило 4 корпуса КВ. Одна машина № У-4 с большой башней и системой М-10 окончательно принята военпредом...

Вторая машина № У-5 (пятая из установочной партии) из-за перегрева бортовых фрикционов не выдержала военпредовского пробега на 80 км и 2-х контрольных пробегов на 20 км. После 2-х переборок бортового фрикциона снова готовится к контрольному испытанию.

Третья машина № У-6 также не выдержала военпредовского пробега. В коробке передач лопнул подшипник и скрутило валик привода к маслопомпе.

Машина № У-7 еще не окончена монтажом.

Запаса корпусов КВ на апрель (кроме вышеперечисленных) на Кировском заводе не имеется».

Если в марте была принята только одна машина (У-4), то в апреле уже пять. Правда, качество их по-прежнему оставляло желать лучшего — при пробегах КВ сильно грелся бортовой фрикцион, в результате чего танки приходилось испытывать несколько раз.

Общий вид танка КВ № У-7 выпуска апреля 1940 года. Машина имеет крылья так называемого «авиационного» типа, внутри их размещался ЗИП. Конструкция фары аналогична опытной машине У-0, позже ее конструкцию изменили (РГВА).

Танк КВ № У-7 выпуска апреля 1940 года, вид справа и слева. Хорошо видно крепление задней гнутой части башни к бортам при помощи гужонов. Над решетками для забора воздуха для охлаждения двигателя установлены броневые защитные кожухи, от которых впоследствии отказались (РГВА).

